

Eastern Church: history of spiritual guidance in the East]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox Theological Institute Publ., 2003, 528 p. (in Russian)

12. Smolich I. K. *Russkoe monashestvo, 988–1917 : zhizn' i uchenie startsev : prilozhenie k "Istorii Russkoi Tserkvi"* [Russian monasticism, 988–1917 : life and teaching of the elders : supplement to the "History of the Russian Church"]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 1997, 607 p. (in Russian)

13. Tarasov B. N. Dostoevsky [Dostoevsky]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2011, vol. 16, pp. 88–100 (in Russian)

14. Tkachenko A. A. Ispoved' [Confession]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2011, vol. 27, pp. 624–634 (in Russian)

15. Tkachenko A. A. Dukhovnik [The confessor]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" Publ., 2011, vol. 16, pp. 418–420 (in Russian)

УДК 82.091; 244

**НОВОЗАВЕТНЫЕ ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ
В «КАМЕННООСТРОВСКОМ ЦИКЛЕ»
А. С. ПУШКИНА:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Насонова Зинаида Алексеевна
преподаватель Школы регентов-певцов
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: zina.nasonova@list.ru

Для цитирования: Насонова З. А. Новозаветные образы и символы в «каменноостровском цикле» А. С. Пушкина: интертекстуальный анализ // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 4 (13). С. 199–215. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_199.

Аннотация

В статье произведен комплексный анализ произведений «каменноостровского цикла», написанных преимущественно в 1836 году, в предпоследний год жизни А. С. Пушкина. Стихотворения представляют собой новый этап в лирическом творчестве Пушкина, характеризующийся тем, что религиозный символизм наполняется личным содержанием и вместе с тем личное содержание понимается в свете религиозных идей и образов. Автор приходит к выводу, что лирический герой Пушкина обретает черты православного подвижника, который в молитвах призывает благодать Святого Духа и, укрепляемый Божественной помощью, совершает восхождение к «Сионским высотам».

Ключевые слова: А. С. Пушкин; философская лирика; религиозный символизм; художественный образ.

Лирический цикл стихотворений предпоследнего года жизни А. С. Пушкина принято называть «каменноостровским циклом» (летом 1836 года поэт жил на Каменном острове, в дачном местечке под Санкт-Петербургом). Из всех написанных в этот период стихотворений четыре имеют в автографах римские цифры, поставленные рукой поэта. Два других стихотворения и четверостишие «Напрасно я бегу к Сионским высотам...» не имеют цифр. Еще два стихотворения остались недописанными.

Впервые стихотворения цикла в определенной последовательности перечислены Н. В. Измайловым в статье «Стихотворение А. С. Пушкина «Мирская власть» в связи с находкой его автографа» в Париже (снимок в ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1747). В указанной статье порядок стихов таков:

I – Неизвестно.

II – «Отцы пустынноики и жены непорочны...» («Молитва»); дата – 22 июля 1836 г. (под заглавием «Молитва» включено Пушкиным в список стихотворений, составленный в конце 1836 г.) [8, с. 193–203].

III – «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...»); дата – 22 июня 1836 г.

IV – «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество...»); дата – 5 июля 1836 г.

V – Неизвестно.

VI – «Из Пиндемонти («Недорого ценю я громкие права»); дата – 5 июля <1836 г.> [3, с. 245].

Еще до работы Н. В. Измайлова двум из этих стихотворений (III и VI) были посвящены отдельные статьи Б. В. Томашевского [9, с. 78–81] и М. Н. Розанова [7, с. 111–142]. Уделяя внимание только истории, источникам, анализу стихотворений, авторы рассматривали их как обособленные произведения, не затрагивая вопросы о цикле как таковом. Н. В. Измайлов был первым, кто к «каменноостровским» стихотворениям Пушкина применил понятие «цикл лирических стихотворений» [3].

В работе Измайлова определяются смысловые и формальные признаки лирического цикла. К формальным относятся общность автографов «по почерку и типу» и единый размер – александрийский стих. К смысловым признакам относятся использование евангельских образов и форм для волновавших поэта морально-общественных тем. Важное место в статье «Лирические циклы в поэзии А. С. Пушкина конца 1820-х – 1830-х годов» отведено рассмотрению жизненных обстоятельств, при которых Пушкин писал эти стихотворения, в том числе и тягостной зависимости поэта от «мирских властей». Н. В. Измайлов пишет: «В таких условиях создавались стихотворения, отразившие в себе, с разных сторон и в разных формах, настроение и раздумья поэта и объединенный им, для будущей публикации, своего рода если не тематический, то смысловой и формально-художественный цикл» [4, с. 249].

«Отцы пустынноики и жены непорочны...»

Поскольку стихотворение под цифрой I отсутствует, то открывает цикл 1836 года стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...». Как ни странно, но занимающему столь важное место произведению исследователи уделяли меньше внимания, чем остальным в данном цикле. Причиной являлось то, что оно облечено в форму молитвы. Это свидетельствовало о глубокой религиозности поэта. В результате советские исследователи или вовсе не упоминали данное произведение, поскольку оно якобы не имеет тематической связи с остальными стихотворениями цикла, или ограничивались кратким комментарием, по сути, подтверждавшим, что оно является переложением молитвы преподобного Ефрема Сирина. Однако внимательный анализ стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...» позволяет определить его значение в цикле.

Следует отметить особый интерес, проявленный Пушкиным в 1830-е годы к биографиям христианских философов и писателей. В 1836 году в журнале «Современник» печатались статьи о Георгии Конисском и статья о словаре русских святых, составленном знакомым Пушкина князем Д. А. Эристовым (1797–1858 гг.). В рецензии на «Словарь о святых» (СПб., 1836 г.) Пушкин писал: «Издатель «Словаря о святых» оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не позволяя себе никакой укоризны, не можем по крайней мере не дивиться крайнему их нелюбопытству» [5, с. 101–103].

Из этого высказывания можно заключить, что Пушкин не мог не знать, в какой день он пишет стихотворение. 22 июля – день памяти жены-мироносицы Марии Магдалины, верной последовательницы Иисуса Христа, возвестившей о его Воскресении (о ней Пушкин позже будет писать в стихотворении «Мирская власть»). Совпадение дня памяти этой святой и упоминания ее Пушкиным в стихотворении, написанном именно в этот день, не может быть случайным. Имя Мария носили бабушка поэта, его старшая дочь и многие близкие знакомые, в том числе М. Н. Волконская, поэтому маловероятно, чтобы Пушкин не помнил об этом дне. Очевидно и то, что он хорошо знал жизнеописание тех святых, которых упоминает в своем стихотворении.

Стихотворение состоит из двух частей – вступления к молитве и собственно молитвы. Изначально оно начиналось словами «святые мудрецы», а позже переправлено на «отцы пустыnnики». Текст сопровождается иллюстрацией: келья, зарешеченное окно, сгорбленный старый монах, к которому очень подходит определение «святой мудрец». «Старцы-мудрецы» – это прежде всего составители церковных текстов и песнопений. Из них Пушкин выбирает «пустыnnиков», к числу которых принадлежал преподобный Ефрем Сириянин. Имя этого святого легко установить, потому что из большого числа молитв поэт выбирает одну, а именно ту, «... которую священник повторяет / Во дни печальные Великого поста» [6, с. 456].

Указанная молитва часто повторяется в течение всего Великого поста, кроме суббот и воскресений. Ее выбор объясняется тем, что она соответствует состоянию души молящегося во время поста,

вызывает чувство осознания греховности и содействует очищению души. Пушкин определяет это состояние эпитетом «падший», в тексте оно также подчеркнуто синонимичными выражениями «грешный» и «упавший духом».

Можно предположить, что такое душевное состояние было и у самого Пушкина «во дни печальные Великого поста», который в 1836 году начался 10 февраля и закончился 28 марта. Пушкин в это время был озабочен цензурными неприятностями, связанными с выпуском первого номера журнала «Современник». Еще были слышны отголоски дела о стихотворении «На выздоровление Лукулла»: 5 и 11 февраля Пушкиным написаны объяснительные письма кн. Н. Г. Репнину, письмо А. Жобару, в котором поэт просил последнего не публиковать французский перевод стихотворения, уже вызвавшего недовольство императора Николая I. Тяжелыми были и домашние обстоятельства: 29 марта, в первый день Пасхи, скончалась мать поэта, Н. О. Пушкина. В июле, когда создавались «Отцы пустыnnики и жены непорочны...», поэт еще находился в трауре. Учитывая все перечисленное, обращение Пушкина к молитве преподобного Ефрема Сирина не было случайным.

В первой части стихотворения ощущается стремление поэта выразить особое отношение к молитве Ефрема Сирина. Исправления, внесенные им, свидетельствуют о желании точнее передать свое душевное состояние. В работе над девятым стихом исправлено «И душу мне живит...» на «И душу мне крепит...», а позже – «И падшего крепит...». Аналогичное изменение произведено в третьем стихе: вместо «освежить» появляется «укрепить». Вероятно, именно крепость духа необходима была Пушкину весной и летом 1836 г.

Богослов и поэт преподобный Ефрем Сириянин жил в Сирии в IV веке. Он является одним из наиболее почитаемых отцов и учителей Церкви. «Святым Ефремом Сириянином написаны толкование на Священное Писание, нравоучительные проповеди и пророчества» [2, с. 79–105]. Из его поэтического наследия до нас дошло около 400 гимнов, которые в V веке были объединены в тематические сборники. Мастерство Ефрема Сирина как поэта поражает невероятным разнообразием размеров. Он был первым, кто начал писать семистишиями («сириянская строфа»). Молитва «Господи и Владыко живота моего...» является самым известным поэтическим творением преподобного.

Впервые эту молитву переложил в 1823 г. знакомый Пушкина И. Е. Великопольский, который назвал свое стихотворение «безделкой», показывая его другу-поэту. Вероятно, это послужило для Пушкина стимулом к написанию «Молитвы». Стихотворение Пушкина состоит из семи стихов и поэтому схоже с «сиринской строфой». Смысл и духовный настрой молитвы переданы Пушкиным хорошо, однако церковный характер в значительной мере утрачен. Поэт убрал традиционно-молитвенные словосочетания «раб Твой», «ей, Господи...» и концовку «...яко благословен еси во веки веков. Аминь». Вместе с тем поэтичность молитвы Сирина в полной мере сохранена. Пушкин использовал те же слова и словосочетания, которые употреблял Ефрем Сирин, и тем самым сохранил напевность, свойственную древневосточной поэзии. В стихотворении усилена образность, но остались характерные признаки молитвы: просительный характер, смиренность выражения. Молитва Ефрема Сирина состоит из трех частей. Молящиеся между частями кладут поясные поклоны. У Пушкина эти деления ощутимы при чтении паузами. В прошениях он делает акценты. В первом прошении – просьба об избавлении от праздности, уныния, любоначалия и празднословия. Другие две части молитвы поэт меняет местами, и тем самым просьба выносится вперед: «Дай мне зрети, о Боже, прегрешенья...» [6, с. 456]. Поменяв местами окончание и среднюю часть молитвы, Пушкин просит не даровать, а лишь «оживить дух смирения, терпения, любви и целомудрия» [6, с. 456].

Значительное внимание в стихотворении обращено на грех любоначалия, и ему поэт дает определение «змея сокрытая». Этот грех, скрытый внутри, представляется ему самым пагубным. Тема любоначалия (властолюбия) является сквозной в стихотворениях всего цикла.

Чистота сердца дает возможность видеть свои согрешения, и только после этого можно стяжать дух смирения, терпения, любви и целомудрия. Целомудрие здесь раскрывается как цельная мудрость и как высшая ступень в самопознании.

Проведенный анализ стихотворения «Отцы пустынники и жены непорочны...» позволяет говорить о несомненной смысловой связи всех произведений цикла, которые ассоциируются с событиями Страстной седмицы.

«Подражание итальянскому»

«Подражание итальянскому» – следующее стихотворение цикла. Пожалуй, нет в русской литературе произведения, которое бы с такой яркостью изобразило кару, постигшую Иуду Искариота, предателя.

В первом стихотворении цикла указывалось время действия: «дни печальные Великого поста». Молитва преподобного Ефрема Сирина, читаемая Великим постом, последний раз читается в среду Страстной недели. В стихотворении «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель ученик...») говорится о событиях четверга Страстной недели. В этот день Иуда Искариот поцелует указать стражникам на Христа и таким образом предал Спасителя. А в пятницу, в день распятия Христа, Иуда повесился. Эти два события обозначены в первой и последней строчках и составляют фабульную основу стихотворения. Пушкин называет предателя Иуду «всемирным врагом» и ярко изображает картину возмездия, постигшего его.

Отмщение постигает «труп живой»: поцелуй сатаны «насквозь прожег уста, / В предательскую ночь лобзавшие Христа».

Стихотворение заканчивается воспоминанием той ночи, в которую совершалось предательство. Грех любоначалия, выделенный среди прочих в «Отцах пустынниках и женах непорочных...», также осуждается поэтом. Желая угодить властям, Иуда предает своего Учителя за «тридцать сребреников». В произведении ощущается дух «мирской власти», соблаздившей «вечного грешника». Таким образом, стихотворение выводит читателей в сферу важнейших нравственных понятий, и, вероятно, по этой причине имя Иуды в нем не упоминается.

«Мирская власть»

Стихотворение «Мирская власть» является развитием темы лирического цикла. Сюжетно и композиционно оно связано с событиями Страстной недели, и уже первые строки указывают на день, в который они происходили:

«Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось Божество...» [6, с. 457].

Согласно Евангелию, Иисус Христос умер в пятницу. Поэт повествует о смерти Христа, последовавшей за событием четверга – днем

предательства Иуды Искариота. Пушкин дает представление об Иисусе Христе в нескольких словах-символах: «Божество», «Владыко», «Царь царей». Этими словами он указывает на власть Бога над миром и человеком, власть бóльшую, чем власть всех земных царей.

Стихотворение названо «Мирская власть», но в тексте слово «власть» не встречается, а только подразумевается: для охраны распятого Христа на месте «жен святых» Девы Марии и Марии Магдалины поставлены «два грозных часовых». В тексте даже слово «могучий» относится к «мирской власти». Образы «жен святых» сопоставляются здесь с образами «жен непорочных» из стихотворения «Отцы пустынноики и жены непорочны...». «Жены святые» – это воплощение верной любви, преданности, которая противостоит силе власти. Этот образ из стихотворения «Подражание итальянскому» противопоставлен образу Иуды, воплощает предательство и преклонение перед властью.

Нет однозначного ответа на вопрос, что послужило поводом для создания стихотворения «Мирская власть». П. А. Вяземский предполагал, что стихотворение написано потому, что в Страстную пятницу в Казанском соборе стоят солдаты на часах. Эту мысль использовал Б. В. Томашевский, комментируя стихотворение. М. И. Яшин выдвинул версию, основанную на том, что 4–6 июня 1836 года на Елагином острове жила царская семья и для ее охраны были всюду поставлены часовые от Кавалергардского полка в касках. Он сообщает о том, что они стояли у ворот с распятием на фронтоне. Во время нахождения царской семьи на Елагином острове туда не пускали дачников и придворных [10]. Н. В. Измайлов возражает: «Это указание, – пишет он, – ничем документально не подкрепленное, маловероятно: трудно представить себе распятие – чисто церковный, культовый предмет – на дворцовых воротах» [4, с. 253]. Есть и другие возражения. Всегда точный в деталях, Пушкин писал, что на головах часовых были кивера, а не каски. Солдаты Кавалергардского полка киверов не носили, да и сам М. И. Яшин пишет, что согласно приказу 3 июня предусматривалось ношение касок. Представляется неверной и указанная Яшиным дата – 5 июня – как день создания стихотворения. В автографе 5 июня было исправлено на 5 июля. Считается, что Пушкин ошибся и тут же исправил ошибку. Яшину дата 5 июня нужна для подтверждения его версии о происхо-

ждении стихотворения, так как 5 июля уже никого из царской семьи на острове не было, и, соответственно, часовых тоже. Таким образом, версия Яшина не имеет не только документального, но и фактического подтверждения.

Если внимательно читать стихотворение, то становится очевидным, что речь идет не о Каменном острове, на который не пускают дачников, а о храме, и уж тем более не о «распятии на фронтоне», так как у подножия распятия невозможно выставить часовых. Представляется неубедительным заключение М. И. Яшина о предположении П. А. Вяземского: «Как видим, он ошибался». [10, с. 200].

Попробуем разобраться, прав или не прав П. А. Вяземский. Никто не оспаривал факт, что при большом стечении народа для поддержания порядка в Казанском соборе у помещенной в центре храма плащаницы выставлялись часовые. Это относится к пятнице и субботе Страстной недели. Сомнению подвергалось только соотнесение свидетельства Вяземского со стихотворением Пушкина. По этому поводу Н. В. Измайлов писал: «...Распятие и плащаница – не одно и то же, и Пушкин, всегда точный в изображении реальной обстановки своих произведений, не мог бы так свободно этим пренебречь» [4, с. 556].

Действительно, плащаница – это не распятие. В православном богослужении распятие выносится в центр храма в определенные дни: на праздники Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня, Воздвижения Креста Господня, на Крестопоклонной неделе Великого поста и в четверг Страстной седмицы, то есть именно в тот день, с которым сюжетно связано стихотворение «Мирская власть». Крест выносится как символ распятия Христа и стоит в центре храма не только весь четверг, но и часть пятницы. В пятницу в центр храма выносится плащаница как символ смерти Иисуса Христа. Она находится в центре храма до Пасхи Христовой. Плащаница кладется на украшенный цветами стол. Благоговейная тишина царит перед этой великой тайной смерти Христа, который отдал свою жизнь за весь мир, за своих учеников и за тех, кто Его знал и любил. Вечером в пятницу совершается служба-погребение, но в стихотворении Пушкина в центре внимания не это священнодействие, а «мирская власть», которая противостоит духовной. По прошествии нескольких веков «мир-

ская власть» «у подножия креста» распорядилась поставить грозных часовых, которые, по-видимому, стояли в Казанском соборе и у распятия, и у плащаницы (об этом, видимо, и писал Вяземский, соединяя в своей памяти эти два образа).

В 1836 году пятница Страстной недели выпала на 27 марта. Как известно из биографии Пушкина, в это время он жил в Петербурге, в доме Баташева, находящегося в церковном приходе Казанского собора. Тем самым упоминание «гуляющих господ» в тексте стихотворения никак не может относиться к Каменному острову, так как в эту пору дачный сезон еще не начался. Это упоминание вполне применимо к Невскому проспекту – традиционному месту городских гуляний, на котором расположен Казанский собор.

В Страстную пятницу в православных храмах читаются фрагменты из Священного Писания, повествующие о событиях, происшедших в тот день: о распятии Христа, о двух святых женах, носивших имя Мария, об орудиях казни и др. В стихотворении Пушкина это тоже отмечено. У креста, на котором был распят Иисус Христос, стояли не только две Марии, но и воины, охранявшие Распятого до наступления Его смерти. Так что факт, отмеченный Пушкиным, носил двойной смысл. Все стихотворение пронизано иронией по отношению к мирским властям, опасавшимся за сохранность «Царя царей» от простого народа, того самого, за который Христос принял крестное мучение. Несмотря на простоту сюжета, светская власть противопоставляется власти Христа («Царя царей»).

«Мирская власть» – это самое сложное стихотворение «каменноостровского цикла» как с точки зрения скрытого за иронией подтекста, так и с точки зрения фактической интерпретации текста. В статье В. Есипова «Подлинны по внутренним основаниям...» обсуждаются интерпретации этого стихотворения и выражено мнение, что «Мирская власть» все еще не имеет удовлетворительного объяснения [1, с. 131]. Считается, что смысл стихотворения в том, что Пушкин осуждает «мирскую власть» в России, которая готова даже самого Христа присвоить себе как «казенную поклажу», не допустив к Нему простой народ. Измайлов полагал, что Пушкин «с негодованием осуждает антинародный характер «мирской власти» [4, с. 556] николаевского правления, которая рассматривает религию и Церковь как единое целое в воспитании народа в духе смирения и подчинения. Но сама же власть решительно закрывает доступ на-

рода к церковным обрядам. Когда «свершается торжество» Христа, тогда у ног Распятого стояли Пресвятая Дева и «Мария-грешница», а вооруженных воинов ставит у креста «мирская власть».

Первые шесть строк «Мирской власти» можно назвать экспозицией, прологом. Действие переносится на гору Голгофу в Иерусалиме и представляет «Животворящее древо», которое одухотворит весь «род человеческий». У «древа» (или Распятого) стоят две жены. В следующих за экспозицией 16 строках действие переносится в современность. 4 первые строки описывают современную ситуацию («теперь... мы зрим»). Муки Христа на «Животворящем древе» и «две жены» противопоставлены современному положению вещей: Распятие охраняется стражей с ружьями. В последних 12 строках поэт обращается с вопросами к «мирской власти». Воины охраняли Распятие на горе Голгофе, а стало быть, все осталось по-прежнему: «мирская власть», по выражению Измайлова, «грубо вмешивается в область духовных, моральных переживаний» [4, с. 559]. Читая стихотворение, невозможно не поразиться пророчеству Пушкина. Он предугадал «почести», оказанные «мирской властью» на его собственных похоронах. Жандармы находились и на отпевании у гроба Пушкина, и в доме поэта. Они оттеснили простой народ от его гроба в Конюшенной церкви и ночью тайно вынесли гроб из храма.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что стихотворение «Мирская власть» является ядром цикла, который составлен из трех стихотворений, связанных по смыслу, сюжету и теме и представляющих единое целое. Композиция стихотворений построена в соответствии с последовательностью событий Страстной недели. Стержневой темой цикла является важная для Пушкина тема «мирской власти». Развивая ее, поэт обращает внимание на евангельские события и тем самым решает проблемы морального и общественного значения.

В стихотворении «Из Пиндемонти» сформулировано выстраданное всею жизнью поэтическое и человеческое кредо Пушкина: в нем провозглашаются свобода и права личности. Поэзия Пушкина демонстрирует взгляды свободного человека. То, о чем просит Бога лирический герой в первом стихотворении цикла, провозглашается в последнем как жизненный идеал поэта: отречение от духа любоначалия, отречение от «мирской власти»:

К чему, скажите мне, хранительная стража? –
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей? –
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ? [6, с. 453].

Пушкин создает свой идеал и задается вопросом о возможных путях его достижения. В черновиках после стихотворения «Из Пиндемонта» он добавляет четверостишие «Напрасно я бегу к сионским высотам...». Путь к святой горе Сион – это путь «во области заочной», «путь жен святых». На этом фоне поэт переосмысливает свой путь как желаемый, но невозможный.

«Напрасно я бегу к сионским высотам...»

Стихотворение написано летом 1836 года, но при жизни А. С. Пушкина не было опубликовано. Оно предназначалось для «каменноостровского цикла». Автограф этого стихотворения имеет дату 5 июня (или 5 июля). Исследователи полагают, что стихотворение было заменено другим – «Отцы пустынники и жены непорочны...». Оба стихотворения связаны общей идеей: переживанием греховности и стремлением очистить душу; желанием укрепить дух путем приобщения к религиозно-нравственным ценностям, выраженным в молитвах. Ввиду незавершенности всего цикла нельзя судить о том, планировал ли Пушкин заменить стихотворение другим. Неизвестно и то, является ли данное четверостишие отрывком или законченным произведением, завершил ли Пушкин работу над стихотворением или только отложил на время. Первоначально за вторым стихом следовало:

«Так, ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бья хвостом и гриву напрягая...» [6, с. 843].

Как и другие стихотворения этого цикла, оно написано шестистопным ямбом с парными рифмами и с цезурой после третьей стопы, т. е. «александрийским стихом». Значительность выражаемого в четверостишии лирического признания определяется глубоко личным мотивом осознания собственной греховности и напрасных усилий достичь божественного совершенства и беспорочности. Лирический герой стремится к духовным вершинам, вот только накопленные за жизнь грехи, дурные поступки и помыслы «тянут» душу вниз. Стремление к совершенству заложил в людях Бог, создавший человека по Своему образу и подобию, и «Сионские высоты» в поэтическом контексте – это символ беспорочности и совершенства Бога.

Текст стихотворения наполнен библейскими образами и символами. Гора Сион в Священном Писании имеет несколько названий: «город Давидов», «гора святая», «жилище и дом Божий» и др. Также в переносном смысле гора Сион означает Иерусалим, колена Иудино и весь род иудейский. Ветхозаветные пророки часто называли Сион Царством Божьим во всей его полноте, на небе и земле, до завершающего совершенства всего в вечности. «Сионские высоты» в поэтическом искусстве могут означать совершенство стиха, его возвышенность и гениальность.

Стремление к нравственным и художественно-творческим высотам показано в четверостишии с помощью образов оленя и льва: «...Голодный лев следит оленя бег пахучий». [6, с. 843]. В религиозных текстах лев зачастую символизирует темные силы и хаос. Апостол Петр предупреждает: «...противник ваш дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8). Нередко бесы принимают вид львов – опасных и хищных животных. Ветхозаветный мудрец и пророк Даниил был брошен в ров со львами, но Бог спас его, заградив пасти львам.

Что касается образа оленя, то он, напротив, в тех же текстах сопряжен с Божественным и возвышенным. В мифологии олень – причастное к божеству животное – часто награждался эпитетом «златорогий», имевший отношение к солнцу и солнечному свету. В ветхозаветной традиции, в псалмах олень (лань) олицетворял души, устремленные к Богу. Христианская литература унаследовала и переосмыслила эти представления. В новозаветных текстах олень стал образом, близким Богу.

В третьей строчке отмечен «песок сыпучий». Становится ясно, что лев продолжает гнаться за жертвой уже в пустыне. Здесь ощущается связь со стихотворением Пушкина «Пророк» (1826), в котором лирический герой «в пустыне мрачной влачился», «духовной жаждою томим». Отмеченное литературоведами сходство со стихотворением «Отцы пустынноики и жены непорочны...» позволяет предположить, что рассматриваемое четверостишие является неоконченным произведением. Сопоставляя оба стихотворения, можно лишь приблизительно предугадать развитие темы. Возможно, лирический герой обратился бы за помощью к Всевышнему, так как без Божественного участия усилия героя в деле избавления от греха будут безуспешны. Тщетно пытающийся избавиться от греховности и снова настигаемый этим состоянием человек не может надеяться только на свои слабые силы, а должен обращаться к помощи Бога, который своим могуществом «крепит падшего» и вселяет в него «великую силу». То же относится и к поэту, стремящемуся к совершенству, уповающему на Божью волю и милость. В соответствии с таким предположением первую строку («Напрасно я бегу...») следует понимать как естественное стремление, изначально заложенное Богом в человека, но невыполнимое без помощи свыше.

Аналогичная мысль звучит и в других стихотворениях Пушкина 1830-х годов, в которых лирический герой в молитвах призывает благодать Святого Духа и Божественная помощь укрепляет духовные силы человека, поднимает его к «Сионским высотам».

Список литературы

1. *Есинов, В. М.* Подлинны по внутренним основаниям / В. М. Есинов. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 2005. – № 6. – С. 130–144.
2. *Ефрем Сирийский.* – Текст : непосредственный // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл.», 2008. – Т. 19. – С. 79–105.
3. *Измайлов, Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х – 30-х годов. – Текст : непосредственный // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина / Н. В. Измайлов. – Ленинград : Наука, 1975. – С. 214–270.

4. *Измайлов, Н. В.* Стихотворение Пушкина «Мирская власть» в связи с находкой его автографа / Н. В. Измайлов. – Текст : непосредственный // Известия АН СССР / Отд-ние литературы и языка. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 12, вып. 6. – С. 548–556.

5. *Пушкин, А. С.* Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых / А. С. Пушкин. – Текст : электронный // Полн. собр. соч. : в 16 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 12. – С. 101–103. – URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol12/y12-101-.htm> (дата обращения: 14.09.2020).

6. *Пушкин, А. С.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2 / А. С. Пушкин ; под общ. ред.: Д. Д. Благого [и др]. – Москва : Гос. изд-во худож. лит., 1959. – 453 с. – Текст : непосредственный.

7. *Розанов, М. Н.* Об источниках стихотворения Пушкина «Из Пиндемонте» / М. Н. Розанов. – Текст : непосредственный // Пушкин / Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности ; под ред. Н. К. Пиксанова. – Москва ; Ленинград, 1930. – Сб. 2. – С. 111–142.

8. *Старк, В. П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. / В. П. Старк. – Текст : непосредственный // Пушкин: исследования и материалы : в 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. – Т. 10. – С. 193–203.

9. *Томашевский, Б. В.* Источник стихотворения «Как с древа сорвался предатель-ученик» / Б. В. Томашевский. – Текст : непосредственный // Пушкин и его современники. – Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. – Вып. 38/39. – С. 78–81.

10. *Яшин, М. И.* Дача на Каменном острове / М. И. Яшин. – Текст : непосредственный // Нева. – 1965. – № 2. – С. 200.

UDC 82.091; 244

**NEW TESTAMENT IMAGES AND
SYMBOLS IN A. S. PUSHKIN
KAMENNOOSTROVSKY CYCLE:
INTERTEXTUAL ANALYSIS**

Zinaida A. Nasonova

Lecturer Chorister School

Tambov Theological Seminary

E-mail: zina.nasonova@list.ru

For citation: Nasonova Z. A. New Testament images and symbols in A. S. Pushkin Kamennooostrovsky cycle: intertextual analysis // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2021, no. 2 (15), pp. 199–215 (in Russian). DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_199.

Abstract

All the poems of the Kamennooostrovsky cycle, except for “The Wanderer”, written in 1836, are of particular importance in A. S. Pushkin creative work. The poems represent a new stage in Pushkin’s lyrical work, characterized by the fact that religious symbolism is filled with personal content and, at the same time, personal content is understood in the light of religious ideas and images.

Keywords: A. S. Pushkin; philosophical lyrics; religious symbolism; artistic image.

References

1. Esipov V. M. *Podlinny po vnutrennim osnovaniyam* [Authentic on internal grounds]. Novyi mir [New World], 2005, no. 6, pp. 130–144 (in Russian)
2. *Pravoslavnaya entsiklopediya. Efrem Sirin* [Orthodox encyclopedia. Ephrem the Syrian]. Moscow, Church-scientific center “Orthodox Encyclopedia” Publ., 2008, vol. 19, pp. 79–105 (in Russian)
3. Izmailov N. V. *Liricheskie tsikly v poezii Pushkina kontsa 20-kh – 30-kh godov* [Lyric cycles in Pushkin’s poetry of the late 20s – 30s]. *Ocherki tvorchestva Pushkina* [Essays on Pushkin creative work]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 214–270 (in Russian)

4. Izmailov N. V. Stikhotvorenie Pushkina “Mirskaya vlast” v svyazi s nakhodkoi ego avtografa [Pushkin’s poem “Worldly Power” in connection with the discovery of his autograph]. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language], Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954, vol. 12, no. 6, pp. 548–556 (in Russian)

5. Pushkin A. S. *Slovar’ o svyatykh, proslavlennykh v Rossiiskoi Tserkvi, i o nekotorykh spodvizhnikakh blagochestiya mestno-chtimykh* [Dictionary about the saints glorified in the Russian Church, and about some worshiped companions of local piety]. *Polnoe sobranie sochinenii v 16 tomakh* [Complete collection of works in 16 volumes]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949, vol. 12, pp. 101–103 (in Russian). Available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol12/y12-101-.htm> (Accessed: 14.09.2020).

6. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii. V 10 t.* [Collected Works. In 10 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1959, vol. 2, 453 p. (in Russian)

7. Rozanov M. N. *Ob istochnikakh stikhotvoreniya Pushkina “Iz Pindemonte”* [About the sources of Pushkin’s poem “From Pindemont”]. Pushkin. Pushkinskaya komissiya Obshchestva lyubitelei rossiiskoi slovesnosti [Pushkin. Pushkin Commission of the Society of Lovers of Russian Literature]. Moscow, Leningrad, 1930, vol. 2, pp. 111–142 (in Russian)

8. Stark V. P. *Stikhotvorenie “Ottsy pustynniki i zheny neporochny...” i tsikl Pushkina 1836 g.* [The poem “Desert fathers and wife without fault...” and the Pushkin cycle of 1836]. Pushkin: issledovaniya i materialy [Pushkin: research and materials]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Leningrad, Nauka. Leningrad Department Publ., 1982, vol. 10, pp. 193–203 (in Russian)

9. Tomashevsky B. V. *Istochnik stikhotvoreniya “Kak s dreva sorvalsya predatel’-uchenik”* [Origin of the poem “How a traitor-student fell from the tree”]. Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and his contemporaries]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1930, issue 38/39, pp. 78–81 (in Russian)

10. Yashin M. I. *Dacha na Kamennom ostrove* [Summer house on Kamenny Island]. Neva [Neva], 1965, no. 2, p. 200 (in Russian)